

Е. Р. Николаев

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

**ДИАЛЕКТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ В ЗАГАДКАХ
СУНТАРСКОГО УЛУСА**

Аннотация. В статье впервые в якутском языкознании рассматривается диалектная лексика якутских народных загадок Сунтарского улуса (района). Необходимость данного исследования обусловлена тем, что якутские загадки редко выступают в качестве материала для изучения диалектной лексики якутского языка. Диалектные данные могут дать сведения о сохранности говора, а также прояснить вопросы семантики в области якутской диалектологии. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые проводится языковой анализ загадок, собранных в Сунтарском улусе, и впервые выделяются основные семантико-мотивационные признаки диалектных единиц на материале фольклорного текста. Целью исследования является выявление наиболее характерных фонетических соответствий и лексических особенностей диалектных слов в народных загадках Сунтарского улуса. Источником и материалом для исследования послужили загадки, собранные в 1960–1969 гг. краеведом И. И. Ивановым – Чопчу Уйбаан и опубликованные отдельным изданием в 2014 г. Был проведен фронтальный обзор текстов 2891 загадок на присутствие диалектных признаков. Для достижения цели были использованы методы фонетического, лексического анализа, а также описательный метод с применением интерпретации языкового материала. Выявлены характерные сунтарскому говору фонетические признаки: ассимиляция и диссимиляция согласных; фонетические соответствия (долгота/краткость гласных; удвоение/краткость согласных и т. д.). Представлены типичные примеры диалектных единиц из загадок, которые относятся к лексике олекмо-вилюйских говоров. Кроме общеизвестных лексем сунтарского говора (например, *муруку* ‘бурундук’), можно обратить внимание на некоторые диалектные значения (например, *кэбэ кулгааба* ‘подснежник’), которые ранее не были включены в диалектологические словари. Установлен основной мотивационный тип семантики диалектных слов – метафорический или переносный. Данный тип номинации является характерным для текста загадок, который выражается образными словами, эвфемизмами. В загадках акцентируются доминантные признаки предмета, явления: форма, звуки, процесс, действие и т. д. Представление семантико-мотивационной картины на примере диалектных слов в загадках может восполнить пробелы в изучении диалектной языковой картины мира якутского языка.

Ключевые слова: якутский язык; диалектология; сунтарский говор; якутские народные загадки; фольклорный текст; диалектные единицы; семантико-мотивационные признаки; фонетические соответствия; лексические особенности; диалектные значения

Для цитирования: Николаев Е. Р. Диалектные особенности в загадках Сунтарского улуса // Эпосведение. 2023. № 3. С. 89–98. DOI: 10.25587/2782-4861-2023-3-89-98.

© Николаев Е. Р., 2023

© Nikolaev E. R., 2023

НИКОЛАЕВ Егор Револьевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия. ORCID: 0000-0003-3782-8402. E-mail: 1953307@mail.ru

NIKOLAEV Egor Revolievich – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Department of Yakut language, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous People Problems of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia. ORCID: 0000-0003-3782-8402. E-mail: 1953307@mail.ru

Е. R. Nikolaev

Institute for Humanitarian Research and North Indigenous People Problems SB RAS

Dialectal peculiarities in riddles of Suntarsky district

Abstract. The article is the first in Yakut linguistics to examine the dialectal lexicon of Yakut folk riddles of Suntarsky district. The necessity of this study is due to the fact that Yakut riddles rarely serve as a material for studying the dialectal lexicon of the Yakut language. Dialectal data can provide information about the preservation of the dialect, as well as clarify the issues of semantics in the field of Yakut dialectology. The scholarly novelty of the study lies in the fact that for the first time the linguistic analysis of riddles collected in Suntarsky district is carried out and the main semantic-motivational features of dialectal units on the material of folklore text are highlighted for the first time. The purpose of the study is to identify the most characteristic phonetic correspondences and lexical features of dialect words in folk riddles of Suntarsky district. The source and material for the study were riddles collected in 1960–1969 by the local historian Ivan Ivanov – Chopchu Uybaan and published in a separate edition in 2014. The texts of 2891 riddles were frontally reviewed for the presence of dialectal features. To achieve the goal, the methods of phonetic, lexical analysis, as well as descriptive method with the application of interpretation of linguistic material were used. Phonetic features characteristic of the Suntar dialect were revealed: assimilation and dissimilation of consonants; phonetic correspondences (long/short vowels; doubling/short consonants, etc.). We present typical examples of dialectal units from riddles that belong to the lexicon of the Olyokma-Vilyui dialects. In addition to the well-known lexemes of the Suntar dialect (e. g. *muruku* ‘chipmunk’), one can pay attention to some dialectal meanings (e. g. *keghe kulgaagha* ‘snowdrop’), which were not previously included in dialectological dictionaries. The main motivational type of the semantics of dialect words – metaphorical or figurative – was established. This type of nomination is characteristic of the text of riddles, which is expressed by figurative words, euphemisms. The riddles emphasize the dominant features of the subject, phenomenon: shape, sounds, process, action, etc. The presentation of the semantic-motivational picture on the example of dialect words in riddles can fill the gaps in the study of the dialect linguistic picture of the world of the Yakut language.

Keywords: Yakut language; dialectology; Suntar dialect; Yakut folk riddles; folklore text; dialectal units; semantic-motivational features; phonetic correspondences; lexical features; dialectal meanings

For citation: Nikolaev E. R. Dialectal peculiarities in riddles of Suntar district. *Epic studies*. 2023; (3): 89–98. DOI: 10.25587/2782-4861-2023-3-89-98.

Введение

Изученность якутской народной загадки считается достаточной, поскольку на данный момент анализ загадок в различных аспектах нашел свою нишу среди исследований разных жанров фольклора. Первыми собирателями и фиксаторами якутских загадок были А. Ф. Миддендорф, И. А. Худяков, В. Л. Серошевский, С. А. Ястремский, А. Е. Кулаковский, М. Н. Ионова-Андросова и др. [1, с. 4–5]. В их трудах загадки в основном записаны на русском языке, тем самым в ходе последующих переводов отчасти утратили свою аутентичность в текстовом плане.

С точки зрения лингвистики якутская загадка была рассмотрена в трудах С. П. Ойунской [1], В. В. Филипповой [2], Е. И. Оконешникова [3] и др. Были составлены тематические группы, выявлены их особенности, раскрывающие быт и традиционное занятие якутов (сах), описан антропонимический пласт в загадках, установлены их образность и метафоричность.

В 1975 г. якутские загадки были опубликованы в виде сборника [4], который впоследствии стал образцом всех последующих изданий, например: Е. П. Чехордуна [5], И. К. Попов [6; 7], И. И. Иванов [8; 9], Г. С. Тарский [10]. Можно отметить, что все они в той или иной мере дублируют сборник С. П. Ойунской. Из этих изданий можно выделить сборник Ивана Ильича Иванова – Чопчу Уйбаан «Сунтаарым таабырыннара – саха аман өһө» («Загадки моего Сунтара – заветные слова [народа] саха», 2014).

В сборник вошли 2891 загадка. Автор собирал загадки в Сунтарском улусе в 1960–1969 гг. Рукопись материалов – всего более 700 загадок – была сдана в Архив ЯНЦ ИЯЛИ [8, с. 11].

Интересно, что в сборнике С. П. Ойунской есть отметка, что этих загадок было всего около 400 со ссылкой на архивный документ: «ф. 5, оп. 10, ед. хр. 137» [4, с. 349]. Впоследствии, в своей монографии она включила в список источников как «загадки, собранные И. И. Ивановым в 1960–1969 гг. в Сунтарском р-не. 1970. АЯНЦ, ф. 5, оп. 10, ед. хр. 111. (Всего 400 загадок)» [1, с. 111].

Книга И. И. Иванова была переиздана во второй раз в 2017 г. [9], однако, имеет техническую ошибку, связанную с нумерацией отгадок в указателе – произошла обычная перепечатка без учета нумерации страниц первого издания.

Составитель сборника, автор текстологических комментариев, кандидат филологических наук, фольклорист А. Н. Данилова отметила, что загадки, собранные И. И. Ивановым, имеют богатый язык и содержание, присутствуют архаизмы, диалектные слова, русизмы [8, с. 5–6], тем самым вырисовывается актуальность нашего исследования – диалектная лексика загадок, которая ранее не была подвергнута языковому анализу.

Цель статьи – выявить и описать диалектные особенности загадок сборника И. И. Иванова – Чопчу Уйбаан «Сунтаарым таабырыннара – саха аман өһө» (2014). Для достижения цели были поставлены следующие задачи: определить особенности сунтарского говора; выявить фонетические и лексические признаки диалектных единиц; прояснить основные семантико-мотивационные моменты в выявленных лексемах.

Методы исследования: описательный анализ диалектных единиц с применением фонетического анализа; семантико-мотивационная интерпретация значений лексем.

Данное исследование может послужить как дополнительный материал для изучения фольклорных текстов. Выявленные данные могут быть применены в исследованиях малых жанров якутского фольклора. Новизной данной статьи является попытка изучить диалектные признаки в текстах народной загадки как неотъемлемой части современной культурной реалии.

Фонетические особенности

Загадки были собраны на территории Сунтарского улуса, тем самым фонетические особенности имеют признаки, присущие сунтарскому говору, которые проявляются в фонетическом оформлении слов. Наш анализ выявил следующие фонетические соответствия в области вокализма:

Удвоение согласных в орудном падеже. Данное диалектное явление широко распространено в олекмо-вилуйской зоне говора [11, с. 98]:

Абааһы уола Уот Кудулу байбалтан уоттаах сымаланнан өрүтэ уһуутуу сытар үһү (булкаан) ‘Говорят, из моря Уот Кудулу сын Демона огненной смолой дышит (вулкан)’ [8, с. 35]; *Биир дьыбэ биэс уол (кыыс) дьуккаах олоролор үһү (илии үтүлүккэ киирэрэ)* ‘Говорят, в одном доме пятеро парней (девушек) живут (на руку надевают рукавицы)’ [8, с. 93].

Проявление долгих гласных в потоке речи является отличительной чертой сунтарского говора – *употребление долгого гласного в постпозиции слова: таһаараа* *ыал балаҕанын дьэнкир муос хамыйах саба бүрүйэн сытар үһү (халлаан)* ‘говорят, соседнюю юрту накрыла костяная ложка (небо)’ [8, с. 17]; *чаһыым суох эрээри чаҕаардахпына, чакчы сөп буолар биир үһү (бөтүүк)* ‘говорят, когда он кричит «я без часов», то угадывает время точно (петух)’ [8, с. 60].

Соответствия гласных звуков часто прослеживаются в фонетической вариативности, т. е. диалектного произношения некоторых лексем:

[эй]~[иэ]: *балаҕан иһигэр сэйгэн (эһэ) тириштэ (соно) ыйанан турар үһү (оһох куруннууга)* ‘говорят, в юрте висит шкура (шуба) росوماхи (печная сажа)’ [8, с. 118]. В литературном варианте: Бод., сунт. *сиээн* ‘росомаха’ [12, с. 172];

[ө]~[э]: *дьорбоот уол дөйбүүрүн хаһан да ыһыктыбат үһү (ыт кутуруга)* ‘говорят, отважный парень никогда не выпускает из рук комаромахалку (хвост собаки)’ [8, с. 81]. Данное слово служит одним из основных признаков для различения акающих и окающих говоров якутского языка. Возникновение вариантов *дэйбиир* ~ *дөйбүүр* связано с образованием в этих основах долгих гласных и дифтонгов на базе стяжения звуковых сочетаний *-эгу*, *-өгэ*. В настоящее

время вариант *дэйбишр* принят в качестве нормы. Как определил диалектолог С. А. Иванов (со ссылкой на Ст. Калужинского), *дэйбишр* присутствует в письменно-монгольском языке: *дэви* – ‘махать, размахивать’, *девигүр* ‘веер, опахало’ и является примером акающих говоров якутского языка [13, с. 157]. Таким образом, *дэйбүүр* – результат влияния оканья;

[ы]~[и]: *киэһэ буолла да Кэрэчэнэ Куо кэрии тыа үрдүнэн, күлэн мичээрдээбитинэн, кэтит сырайа бу малайан тахсар үһү (ый)* ‘говорят, как только наступает вечер, то из-за леса, улыбаясь и смеясь, выглядывает широкое лицо Кэрэчэнэ Куо (луна)’ [8, с. 21]. *Сырай* относится к окающим говорам якутского языка и, видимо, близок к п.-монг. *дырай* ‘лицо, физиономия’ [11, с. 60];

[ы]~[у]: *муоста анныгар буталаах, орон анныгар олбохтоох Ордьохоон обургу баар үһү (кутуйах)* ‘говорят, есть с норой в подполье, с сидушкой под кроватью важный Орджохон (мышь)’ [8, с. 65]. Данный фонетический диалектизм имеет древнетюркские корни наподобие *булаа ~ былаа*: *бута ~ быта* ‘нора зверя’ [14, с. 782]. Соответствие [ы]~[у] является распространенным в западной диалектной зоне, особенно в есейском говоре: *умдаан ~ ымдаан, дьубар ~ дыбар* [12, с. 20].

Также присутствуют соответствия в области консонантизма – *диссимилиция согласных в середине слова*:

[рт]~[тт]: *хонуу сабатыгар хоттуоска араскыта бөбө хоройон көстөр үһү (көмнөхтөөх тиит (хатын))* ‘говорят, на окраине поля виднеются ростки картофеля (лиственница (береза) с опавшей хвоей)’ [8, с. 40];

[ск]~[кк]: *муос иллээх мас чааккы иһигэр кырбас эт хоронолуур үһү (тиис уонна тыл)* ‘говорят, из чашки с роговым ободком выглядывает кусок мяса (зубы и язык)’ [8, с. 91].

В произношении (в данном случае в написании) согласных обнаруживаются типичные примеры, которые часто относятся к диалектным:

[б]~[м]: *үтүө киһи буолан баран, мунур быысаһы кыайан сиэбэт үһү (үүн)* ‘говорят, хоть и добрый человек, но не может съесть ободочную кишку (узда, удила)’ [8, с. 77]; *Өргөдөй үнүүтэ өтөрү түстэбинэ, буоһатынан бырабар, оччоҕо Олоохуна эбириэн оҕуһа охсуолана түһэр үһү (ингэ, сап, сүүтүк)* ‘говорят, если копые Ергеджея проткнет, то бросают вожжи, а олекминский пятнистый бык начинает биться (игла, нитка, наперсток)’ [8, с. 134]. Соответствие [б]~[м] описывается таким образом: чем ближе к центру, тем более превалирует [б] (муус ~ буус). Если в виллойских говорах распространены варианты *бэкир, буоһа*, то в сунтарском говоре отмечается присутствие вариантов *мэкир, муоһа*. В некоторых случаях, особенно в потоке речи, до сих пор часто встречается двойное употребление *быыһас ~ мыыһас*;

[йм]~[нь]: *үөһэ дойду уола үөгүлүү түһэн баран үрүг көмүс кыймынан далбаатаатабына халлаан кыыһын солко куһаат кура сиргэ түһэн намылыйан хаалар үһү (этингнээх былът уонна кустук)* ‘говорят, когда сын верхнего мира, громко крикнув, машет плеткой, на землю спускается шелковый кушат дочери неба (грозовая туча и радуга)’ [8, с. 26]. Несложно догадаться, что здесь записан носовой [j]: *кыймынан ~ кымньынан*. Об этом ранее более подробно писал фонетист Н. Д. Дьячковский: «... звук [j] при произношении через нос не зависит от рядом стоящих звуков; ряд звуков <...> [йн] в якутской речи были в последующем заменены на [нь], [ннь]» [15, с. 70; 16, с. 104]. Данное словоупотребление входит в ряд таких слов: *кујаас ~ куньяас ~ куйаас* ‘жара’, *кыймы ~ кымньы* ‘плетка’, *кыймыт ~ кыйнньыбыт* ‘кипяченый (о молочной пенке)’, *ыйылын ~ ынньылыбыт ~ ыйылыбыт* ‘слишком туго затягивать (узел)’ и др.

[рдь]~[рб]: *түөрт уон кыыһы түрдэли баайбыттара суол ааныгар саһан сыталлар үһү (миинник)* ‘говорят, сорок девушек связали в одну связку, спрятались около дороги (веник)’ [8, с. 122]: *түрдэ ~ түрбэ* ‘связка, небольшая охапка чего-л., свёрток’ [17, с. 279]. По С. А. Иванову, данное соответствие употребляется на границе оканья и аканья. В устной речи чаще звучит [-ддь-] чем [-рдь-], что ярче вырисовывается в дальних, периферийных говорах [12, с. 29–30];

[кc]~[xc]: *сыя иһигэр сыя мөксө сылдыар үһү (уулаах биэ, ынах)* ‘говорят, в сале мечется сало (жеребая кобыла, корова)’ [8, с. 76]; *мөһөөччүк иһигэр мөксөр баар үһү (чуораан, хобо)* ‘говорят, в мешке что-то бьется, мечется (колокол)’ [8, с. 79]. Данный диалектный признак – употребление в середине слова [к] вместо [х] – является следствием влияния эвенкийского языка (произношения), которое распространено в северо-западных говорах якутского языка [11, с. 78].

Лексико-семантические особенности

Лексический состав данных загадок не менее интересен для исследования. Отмечаются лексические единицы, которые употребляются только в сунтарском говоре. Присутствие диалектных слов различных говоров якутского языка можно объяснить тем, что, все-таки, данные загадки были собраны в советское время, когда нормативно-литературный якутский язык был на пике устроения, тем самым большинство диалектизмов стали частично известными и употребительными в народе. Можно также допустить, что некоторые факты могли быть подвергнуты редакторской правке, например, ассимилятивно-диссимилятивные явления согласных.

Выделим некоторые диалектные слова из загадок, характерные для сунтарского говора:

- *биэс ачаа кыыс биир үрэби таннары хайан түһэн иһэллэр үһү (тарбахтар, тыгырахтар)* ‘говорят, пять избалованных девочек спускаются по руслу одного суходола (пальцы, ногти)’ [8, с. 93]: *ачаа*, бул., нюрб., сунт., в.-вил. ‘капризный, балованный’ [18, с. 54]. Нормативным вариантом считается *атаах* с таким же значением;

- *далай иһигэр талах даарда дагданньыр үһү (буойуу (быһым))* ‘говорят, в океане качается тальниковая даарда (коробка жерновов) (плотина)’ [8, с. 158]. В словаре: *даарда* ‘приспособление к летним саням для возки копен’; *муоста* ‘пол’; *кыра наара орон* ‘маленькая нара’ [18, с. 84]. Отмечается диалектное слово *даар* в вилюйском говоре: ‘стол для ручных жерновов’ [19, с. 63]. Формант *-да* иногда используется при образовании имен существительных (*дагда*, *агда*, *чагда* и т. д.).

- *таһаараа эмээхсин дагдалаан баран, таһырдыа таһааран таннары (бырахпытын, куппутун) тамнаабытын, биир да киһи күн бүгүнүгэр дылы кыайан амсайа (сиһи) илик үһү (сулустар)* ‘говорят, соседка старуха, взбив сливки, выбросила (вылила) на улицу, которую до сих пор ни один человек не смог попробовать (съесть) (звезды)’ [8, с. 20]; *Айан суолугар күөрчэх төкүнүгүн сытар үһү (иһэх)* ‘говорят, на дороге лежат (разбросаны) взбитые сливки (ком снега или грязи с копыт животных)’ [8, с. 80]; *таала хонуу ортотугар дагдаа (күөрчэх) ытыгын таһааран бырахпыттар үһү (киһин)* ‘посреди ровной поляны выбросили мутовку для взбитых сливок (пупок)’ [8, с. 96]. В загадках выявлено, что диалектные названия взбитых сливок в сунтарском говоре имеют несколько вариантов: *дагдаа*, лен., олекм., токм., *күөрчэх* ‘взбитые сливки’; *дагда*, аб., амг., н.-кол., бул., вил., горн., м.-канг., нюрб., ойм., олекм., сунт., татт., токм., у.-алд., чур., жиг. *күөрчэх* ‘взбитые сливки’ [18, с. 84];

- *кэбэ кулгааба кэһилээх кэрэ сир баар үһү (булгунньах, сыыр)* ‘говорят, есть земля с подснежниками-гостинцами (холм, возвышенность)’ [8, с. 35]. Литературно-нормативная дефиниция *кэбэ кулгааба* такова: *биир умнастан тахсыбыт элбэх манган сибэккилэрдээх, төгүрүк ньалбаархай сэбирдэхтэрдээх от үүнээйи* ‘грушанка’; диал. *ньургуһун* ‘подснежник’ [20, с. 451]. В диалектологическом словаре: *кэбэ кулгааба*, татт. ‘грушанка красная’ [18, с. 378]. Из контекста загадки ясно, что *кэбэ кулгааба* – это *күөх ньургуһун* ‘фиолетовый подснежник’. Однако, в полевых материалах автора имеются сведения, что, в сунтарском говоре нередко ветреницу лесную называют *кэбэ кулгааба* [21];

- *төгүрүччү түөс, барыта марба, кууччата куртах баар үһү* ‘говорят, есть некто весь грудастый, пузатый да брюхатый (чугун, чугунный горшок)’ [8, с. 129]. В словаре: *марба*, нюрб., сунт., в.-вил. *ис* ‘живот’ [18, с. 157];

- *түөрт атахтаах эрэри көтөн күдээрийэр баар үһү (маскаалай; нэтээги)* ‘говорят, есть с четырьмя ногами, но летает (лятяга)’ [8, с. 65]. В словаре: *маскаалай*, сунт., *маскалай*, *масхалай*, вил. окр. *нэтээги* ‘лятяга’ [18, с. 157, 158]; *маскалаайы* [22, с. 103];

- сур бөрөбө кыайан ситтэрбэт, буордаах **матаба** кыайан көтөхтөрбөт, сыарбатын хатыһа сатаан сөллүбэт үһү (тыял, сир уонна суол) 'говорят, и серому волку не догнать, и мешку с землей не приподнять, и пути саней не развязать (ветер, земля и дорога)' [8, с. 16]; хотон иһигэр сыаната биллибэт сыа **матана** баар үһү (ынах эмиийэ, синньэ, ынах ыаһын) 'говорят, в хлеву есть кожаный мешок, которому нет цены (коровье вымя, доение коровы)' [8, с. 75]: **матаба**, сунт., **матана**, есей., лен. **хаа**, **хааһах** 'большая кожаная сума' [18, с. 158];

- көндөй тиит иһиттэн **мурукулар** (моботойдор) быгыахтаһаллар үһү (сыын) 'говорят, из дупел лиственницы выглядывают бурундуки (сопли)' [8, с. 90]: **муруку**, вил., горн., нюрб., олекм., сунт., у.-алд., в.-вил. **моботой** 'бурундук' [18, с. 166–167];

- үһүн үйэтигэр ийэтэ кэтэрдибит таһаһын устубакка **олобостуур** да, алдьаппакка «ана-раа дойдуга» айанныыр үһү (киһи тириитэ) 'говорят, одежду, которую надела на его мать, он носит всю жизнь, так и не сносив отправляется «на тот свет» (кожа человека)' [8, с. 95]: **олобостоо**, нюр., сунт., в.-вил. 'износить, одевая или используя его постоянно (о вещи)'. Диалектная дефиниция глагола **ылахтаа**: износить – о вещи; заездить – о животном [18, с. 185];

- **сымаба** сыттаһына сыаналаах харчыбын, халаабыска хааланнаһына хара көмүспүн, куулга кутулуннаһына кыһыл көмүспүн диир баар үһү (кууллаах бурдук) 'говорят, есть тот, который говорит: если лежу в кожаной суме, то я – ценные деньги, если положат в кожаный мешок, то я – черное золото, если кладут в куль, то я – красное золото (мешок с мукой)' [8, с. 45]: **сыма**, сунт., в.-кол. **хаа**, **хааһах** 'кожаная сума, большая сума из шкуры, из лап животного' [18, с. 220]. Скорее всего, образовалось от русизма **сума** 'большой кожаный мешок для перевозки и хранения вещей'. В якутском языке присутствует схожая лексема **сыма күөрт**, кол. **уус күөрдэ** 'кузнечный мех' [19, с. 170];

- уу олбохтоох, кумах дьылээх, таас тиэргэннээх, сыаналаах **сыып тааһы** алараа дойду уола апчарыйан сытар үһү (кыһыл көмүс) 'есть, говорят, с водяной подстилкой, с домом из песка, с каменным двором сын нижнего мира, который драгоценную сыып-камень один захватил (золото)' [8, с. 15]. В сборнике **сыып таас** определен как **эмтээх таас** 'исцеляющий камень' [8, с. 184]. Поиски привели к словарю Э. К. Пекарского: **сыып таас** 'рассыпчатый камень, гипс' [23, стлб. 2472]. Судя по контексту, мотивационным толчком для обозначения золота стало его свойство «рассыпчатость»;

- халлаан кыһын солко курун ким да курдаммат, Үөһээ дойду уолун **сыр харчытын** ким да сатаан аахпат үһү (кустук уонна сулустар) 'говорят, что кушаком дочери неба никто не подпоясывается, монеты сына Верхнего мира никто не может сосчитать (радуга и звезды)' [8, с. 23]; **сыр харчы** 'мелочь, звонкая монета' [24, с. 453];

- тарбахтаах **табабайыгар** таба туттарбат үһү (күлүк) 'говорят, что неуловимый есть (тень)' [8, с. 34]: **табабай**: **ытыс иэнэ**, кол. **ытыс көхсө** 'наружная поверхность кисти руки', или **иэнэ** [19, с. 245]. Здесь **табабай** употреблен в значении 'ладонь';

- өлбүт киһи өттүгэстиир сирэ, **хоотункалаабыт** киһи хонор (сытар) сирэ баар үһү (булгуннаах, сыыр) 'есть, говорят, место, где может полежать покойник, есть, говорят, место, где может полежать (ночевать) покойник (холм, горка, возвышенность)' [8, с. 35]: **хоотункалаа**, эвф., лен., сунт. **өл**, **быһын** 'умирать, кончаться' [18, с. 291].

Обсуждение

Фонетический аппарат рассмотренного материала не имеет особенных или новых черт – все они в той или иной мере обсуждались в трудах якутских диалектологов. Однако, следует иметь в виду, что сохранность звуковых признаков сунтарского говора в загадках, опубликованных спустя полвека после их сбора, имеет право быть оцененным как уникальный языковой материал.

Собственно сунтарскими (олекмо-вилуйскими) можно считать диалектные слова **сыр харчы**, **марба**, **дагда**, **муруку**, **хоотункалаабыт**, **кэбэ кулгааба**. Остальные слова более или менее известны всем носителям якутского языка. Основное отличие представлено в значениях.

Анализ семантико-мотивационных признаков значений диалектных единиц показывает, что внешнее оформление – план выражения – основано на внутренней форме слова, т. е. на значении денотата, которое чаще выражается метафорическим типом мотивации. Данный тип мотивации наиболее приемлем для загадок, поскольку загадка сама по себе метафорична, по своей сути имеет переносный характер. Представим основные семантико-мотивационные признаки диалектных лексем сунтарского говора:

кэбэ кулгааба: название растения перекликается с кукушкой – вестником весны, т. к. с ее прилетом и временем кукования совпадает время появления первых цветков подснежника. Стоит отметить, что данная мотивация фитонима пока вызывает сомнения, т. к. в настоящее время нет достаточного полевого материала, чтобы утверждать об этом;

хоотункалабыт: мотивация прозрачна, поскольку произошла эвфемизация лексемы *хоотунка* (окающий вариант) ~ *хаатынка* (акающий вариант) ‘валенки’. Данное слово ассоциируется с русскими фразеологизмами «отбросить копыта (коньки)», «откинуть копыта», т. е. обувь как предметный (вещный) код фигурирует в обозначении ухода в другой мир. Данное слово является не только заимствованием из русского языка, в частности из вологодского диалекта: *катанок* ‘валенки’: «Степаниха и летом в катанках бродит: ревматизма её совсем одолела» [25, с. 107], но и представляет собой религиозные воззрения якутов (саха), жизненный уклад которых имеет все ключевые моменты христианизации, в т. ч. и обозначение смерти и т. п. Однако, можно также предположить, что слово *хоотунка* каким-то образом связано с речкой *Хатанга*, которую местные называют *Хоотунка*;

марба: существует другая дефиниция – кожаный мешок, сума; таким образом, без сомнения, данное слово использовано в загадке для отображения внешней формы предмета, в данном случае чугунного котла;

муруку: вероятно, лексема является заимствованным из эвенкийского языка, и здесь формант *-ку* является «лакмусовой бумажкой»: *мэрийки, мэрипкй* Тк, М, З, Тнг, Брг, Нрч, Ие, А, С-Б ‘бурундук’ [26, с. 388], как и в *чубуку* ‘снежный баран’, *кулухун* ‘костер, очаг’: *чевакун* И ‘горный баран’; *кулувун* Урм ‘костер’ [26, с. 715, 312].

дагда: здесь мы видим глагольный тип мотивации, т. к. производящей основой является глагол *дагдай-* ‘всплыть на поверхность’. Семантико-структурная мотивация, раскрывающая не только процесс приготовления блюда, но и его физические свойства, была перенесена на название молочного блюда;

сыр харчы: *сыр* является звукоподражающим словом, вербализующим звук монет, тем самым мотивационный признак прозрачен – принцип основан на звуке металлических (медных и т. п.) монет.

Заключение

Итак, по итогам анализа диалектных особенностей загадок, собранных И. И. Ивановым – Чопчу Уйбаан, можно сделать следующие основные выводы:

- в фонетическом плане почти все характерные признаки, присущие сунтарскому, вилюйским говорам, а также есейскому говору (относится к одной диалектной зоне – западному массиву говоров), присутствуют в рассмотренных загадках;
- присутствие диалектных слов общекяутского плана говорит о том, что информанты загадок могли иметь корни (контакты) в других улусах Якутии;
- семантико-мотивационные признаки диалектных слов в рассмотренных загадках имеют в основном метафорический тип номинации, т. к. используются образные, эвфемистические, дополнительные или вторичные значения слов, которые отображают те или иные признаки: форму предмета; производимые звуки; процесс, который стал доминантным признаков номинации; заимствованные значения, которые стали частью не только лексики сунтарского говора, но и культурной реалией быта якутов;

- загадки, собранные И. И. Ивановым – Чопчу Уйбаан в 60-е гг. прошлого века, дают представление о речи носителей сунтарского говора как представителей, обладающих ярким, выразительным языком, а также свидетельствуют о степени сохранности сунтарского говора в фонетическом и семантико-лексическом плане.

Сокращения

А – аянский диалект эвенкийского языка; **аб.** – абыйский говор; **амг.** – амгинский говор; **Брг** – баргузинский диалект эвенкийского языка; **Бод** – Бодайбинский говор; **бул.** – булунский говор; **в.-кол.** – верхнеколымский говор; **в.-вил.** – верхневиллойский говор; **в.-кол.** – верхнеколымский говор; **вил.** – виллойский говор; **вил. окр.** – говор виллойского округа (дореволюционное административное деление); **горн.** – горный говор; **есей.** – есейский диалект якутского языка; **жиг.** – жиганский говор; **З** – зейский говор верхне-алданско-зейского диалекта; **И** – илимпийский диалект эвенкийского языка; **Ие** – иенгринский говор эвенкийского языка; **кол.** – колымский говор; **лен.** – ленский говор; **М** – майский говор эвенкийского языка; **м.-канг.** – мегино-кангаласский говор; **Нрч** – нерчинский говор витимо-нерчинского диалекта эвенкийского языка; **нюрб.** – нюрбинский говор; **ойм.** – оймьяконский говор; **олекм.** – олекминский говор; **С-Б** – северо-байкальский диалект эвенкийского языка; **стлб.** – столбец; **сунт.** – сунтарский говор; **татт.** – таттинский говор; **Тк** – токкинский говор эвенкийского языка; **Тнг** – тунгирский говор витимо-олекминского диалекта; **токк.** – токкинский говор; **у.-алд.** – усть-алданский говор; **Урм** – урмийский говор буринско-урмийско-амгунского диалекта эвенкийского языка; **чур.** – чурапчинский говор; **эвф.** – эвфемизм.

Литература

1. Соловьева-Ойунская, С. П. Якутские народные загадки: специфика жанра / ответственный редактор Н. В. Емельянов. – Санкт-Петербург : Наука, 1992. – 110 с.
2. Филиппова, В. В. Якутские загадки: семантика и структура : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.01.09 : Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. – Улан-Удэ, 2012. – 22 с.
3. Оконешиников, Е. И. Э. К. Пекарский как лексикограф / ответственный редактор П. А. Слепцов. – Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1982. – 140 с.
4. Саха таабырыннара = Якутские загадки / таабырыннары түмэн тылбаастаата, аан тылын суруйда, комментарий онордо С. П. Ойунская. – Якутскай : Саха сиринээби кинигэ изд-вота, 1975. – 374 с. (На якутском и рус. яз.)
5. Саха таабырыннара / хомуйан онордулар : С. П. Ойунская, Е. П. Чехордуна. – Дьокуускай : Бичик, 2002. – 176 с. (На якутском яз.)
6. Саха таабырыннара, өс хоһооноро, чабырбахтара = Якутские загадки, пословицы, скороговорки / хомуйан онордо И. К. Попов. – Дьокуускай : Бичик, 2006. – 112 с. (На якутском яз.)
7. Саха таабырыннара, өс хоһооноро, чабырбахтара = Якутские загадки, пословицы, скороговорки / хомуйан онордо И. К. Попов. – Дьокуускай : Айар, 2021. – 128 с. (На якутском яз.)
8. Иванов, И. И. Сунтаарым таабырыннара – саха аман өһө / бэчээккэ бэлэмнээтэ, текстологической быһаарылылары, ыйынныктары онордо А. Н. Данилова. – Дьокуускай : СМИК-Мастер. Полиграфия, 2014. – 196 с. (На якутском яз.)
9. Сунтаар таабырыннара, бэргэн тыла = Сунтарские загадки, крылатые слова / И. И. Иванов – Чопчу Уйбаан. – Дьокуускай : СМИК-Мастер. Полиграфия, 2017. – 200 с. (На якутском яз.)
10. Тарскай, Г. С. Бэчээттэнэ илик таабырыннар / хомуйан онордулар Нь. А. Сивцева, Н. Р. Бурнашева. – Дьокуускай : Бичик, 2019. – 64 с. (На якутском яз.)
11. Воронкин, М. С. Диалектная система языка саха: Образование, взаимодействие с литературным языком и характеристика. – Новосибирск : Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1999. – 197 с.
12. Диалектологический атлас якутского языка (сводные карты). Часть I. Фонетика / ответственный редактор И. Е. Алексеев ; составитель С. А. Иванов. – Якутск : Изд-во ЯФ СО РАН, 2004. – 124 с.
13. Иванов, С. А. Аканье и оканье в говорах якутского языка. – Якутск : Кн. изд-во, 1980. – 184 с.
14. Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарылылаах тылдьыта : в 15 томах. Т. II (Буква Б) / под редакцией П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2005. – 911 с. (На якутском и рус. яз.)

15. Дьячковской, Н. Д. Саха билинги тыла. Фонетика : Үөрэнэр кинигэ. – Дьокуускай : СГУ изд-вота, 2000. – 175 с. (На якутском яз.)
16. Воронкин, М. С. Саха диалектологиятын очерката: Фонетика уонна морфология. – Якутскай : Кинигэ изд-вота, 1980. – 242 с. (На якутском яз.)
17. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта : в 15 томах. Т. XI (Буква Т) / под редакцией П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2014. – 528 с. (На якутском и рус. яз.)
18. Диалектологический словарь якутского языка : содержит свыше 8500 слов / составители : П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев. – Москва : Наука, 1976. – 392 с.
19. Диалектологический словарь языка саха : Дополнительный том / составители : М. С. Воронкин, М. П. Алексеев, Ю. И. Васильев. – Новосибирск : Наука, 1995. – 296 с.
20. Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта : в 15 томах. Т. V (Буква К) / под редакцией П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2008. – 841 с. (На якутском и рус. яз.)
21. Николаев, Е. Р. Диалектная семантика фитонима *кэбэ кулгааба* ‘кукушкины ушки’ в якутском языке // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2022. – № 1 (38). – С. 89–99. – DOI : 10.25693/SVGV.2022.38.1.008.
22. Кулаковской, А. Е. Саха тылын туһунан ыстатыйалар уонна матырыйааллар = Статьи и материалы о якутском языке / предисловие и примечания Н. С. Григорьева. – Якутск : Гос. изд-во ЯАССР, 1946. – 150 с. (На якутском и рус. яз.)
23. Пекарский, Э. К. Словарь якутского языка. В 3 томах. Т. 2. – 2-е изд. – Москва : Изд-во АН СССР, 1959. – стлб. 1281–2508.
24. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта : в 15 томах. Т. IX (Буква С–Һ) / под редакцией П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2012. – 630 с. (На якутском и рус. яз.)
25. Вологодское словечко : Школьный словарь диалектной лексики / ответственный редактор Л. Ю. Зорина. – Вологда : ВГПУ, 2011. – 344 с.
26. Мыреева, А. Н. Эвенкийско-русский словарь = Эвэды-лучады турэрүк : около 30000 слов ; ответственный редактор В. А. Роббек. – Новосибирск : Наука, 2004. – 796 с. (На эвенкийском и рус. яз.)

References

1. Solovieva-Oyunskaia, S. P. Yakut folk riddles: specificity of the genre. Edited by N. V. Emelyanov. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1992, 110 p. (In Rus.)
2. Filippova, V. V. Yakut riddles: semantics and structure. Dissertation abstract for the degree of Candidate of Philological Sciences: 10.01.09. Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS. Ulan-Ude, 2012, 22 p. (In Rus.)
3. Okonoshnikov, E. I. E. K. Pekarsky as a lexicographer. Executive editor P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 1982, 140 p. (In Rus.)
4. Yakut riddles. Compiler S. P. Oyunskaia. Yakutsk, Yakutsk Book Publ. House, 1975, 374 p. (In Yakut and Rus.)
5. Yakut riddles. Compilers: S. P. Oyunskaia, E. P. Chekhorduna. Yakutsk, Bichik Publ., 2002, 176 p. (In Yakut)
6. Yakut riddles, proverbs, cursive words. Compiler I. K. Popov. Yakutsk, Bichik Publ., 2006, 112 p. (In Yakut)
7. Yakut riddles, proverbs, tongue-twisters. Compiler I. K. Popov. Yakutsk, Ayar Publ., 2021, 128 p. (In Yakut)
8. Ivanov, I. I. Suntar riddles is the richness of the Sakha language. Edited by A. N. Danilova. Yakutsk, SMIK-Master. Polygraphy Publ., 2014, 196 p. (In Yakut)
9. Suntar riddles, winged words. I. I. Ivanov – Chopchu Uybaan. Yakutsk, SMIK-Master. Polygraphy Publ., 2017, 200 p. (In Yakut)
10. Tarsky, G. S. Unpublished riddles. Compilers: N. A. Sivtseva, N. R. Burnasheva. Yakutsk, Bichik Publ., 2019, 64 p. (In Yakut)
11. Voronkin, M. C. The dialect system of the Sakha language: Formation, interaction with the literary language and characterization. Novosibirsk, Nauka Publ., 1999, 197 p. (In Rus.)

12. Dialectological atlas of the Yakut language (summary maps). Part I. Phonetics. Executive editor I. E. Alekseev; compiler S. A. Ivanov. Yakutsk, Publ. House of the Yakut filial of SB RAS, 2004, 124 p. (In Rus.)
13. Ivanov, S. A. Akanie and okanie in the Yakut language. Yakutsk, Book Publ. House, 1980, 184 p. (In Rus.)
14. Explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vol., vol. II (Letter B). Edited by P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2005, 911 p. (In Yakut and Rus.)
15. Dyachkovsky, N. D. Modern Yakut language. Phonetics: Textbook. Yakutsk, Yakut State University Publ. House, 2000, 175 p. (In Yakut)
16. Voronkin, M. C. Sakha dialectology: Phonetics and morphology. Yakutsk, Book Publ. House, 1980, 242 p. (In Yakut)
17. Big explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vol. Vol. XI (Letter T). Edited by P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2014, 528 p. (In Yakut and Rus.)
18. Dialectological dictionary of the Yakut language. Compilers: P. S. Afanasyev, M. S. Voronkin, M. P. Alekseev. Moscow, Nauka Publ., 1976, 392 p. (In Rus.)
19. Dialectological dictionary of the Sakha language: Additional volume. Compilers: M. S. Voronkin, M. P. Alekseev, Y. I. Vasiliev. Novosibirsk, Nauka Publ., 1995, 296 p. (In Rus.)
20. Explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vol., vol. V (Letter K). Edited by P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2008, 841 p. (In Yakut and Rus.)
21. Nikolaev, E. P. Dialectal semantics of the phytonym *kege kulgaaga* ‘cuckoo’s ears’ in the Yakut language. *North-Eastern Humanities Bulletin*. 2022, no. 1, pp. 89–99. DOI: 10.25693/SVGV.2022.38.1.008. (In Rus.)
22. Kulakovskiy, A. E. Articles and materials about the Yakut language. Foreword and notes by N. S. Grigoriev. Yakutsk, State Publ. House of the YASSR, 1946, 150 p. (In Yakut and Rus.)
23. Pekarsky, E. K. Dictionary of the Yakut language. In 3 vol. Vol. 2. 2nd ed. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1959, col. 1281–2508. (In Yakut and Rus.)
24. Big explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vol. Vol. IX (Letter S–h) / Edited by P. A. Sleptsov. Novosibirsk, Nauka Publ., 2012, 630 c. (In Yakut and Rus.)
25. Vologda word: School dictionary of dialect vocabulary. Executive editor L. Y. Zorina. Vologda, VGPU Publ., 2011, 344 p. (In Rus.)
26. Myreeva, A. N. Evenki-Russian dictionary: about 30000 words. Executive editor V. A. Robbek. Novosibirsk, Nauka Publ., 2004, 796 p. (In Evenki and Rus.)